

18+

ПРИХОДЯТ

КРВИСЫ

ПРОКОПЬЕВА ОЛЬГА

Ольга Прокопьева

После войны приходят крысы

«Издательские решения»

Прокопьева О. В.

После войны приходят крысы / О. В. Прокопьева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511742-7

Император умер, и юная девушка помогает остаткам семьи бежать от войны и революции. У девушки нет собственного дома, её крестили чужим богом, и каждый сторонится её, называя ведьмой. Поэтому ей остаётся увезти беглецов на запад, на кораблях чужаков, связавшись с демоном запада.

ISBN 978-5-00-511742-7

© Прокопьева О. В.
© Издательские решения

Содержание

1. Бог синеккожих	6
2. Обувь и накидка	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

После войны приходят крысы

Ольга Викторовна Прокопьева

Иллюстратор LaskaPsy

© Ольга Викторовна Прокопьева, 2023

© LaskaPsy, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0051-1742-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Бог синекожих

В тот день я стала невольной свидетельницей, как мясник-сосед отрубает голову своей собаке.

Я охнула и закрыла глаза рукавами, кровь брызнула прямо к моим босым стопам, а пузатый смутяня расхохотался и сказал, что за восемь лет я не изжила дворцовой мягкотелости. Снова заругал, что лучше бы в цветочный квартал шла, чем сюда в самый низ, к босоногим. И плевать было этому нахалу, что я никогда не жила во дворце, главное он знал, что была его соседкой не по своей воле, и никого не осталось за меня заступиться, вот и насмехался вовсю. Жена и дети его и вовсе меня избегали. А коли видели, прикрывались рукавами и спешили подальше от меня.

С такой же насмешкой он отрезал собачьи лапы и бросил мне в ноги, сказав, чтобы приговорила из них студень – сказал, нескоро нам найдётся чем питаться, кроме как собак собственных, а у меня нет и того.

Когда мясник свою собаку режет, чтобы семью прокормить – тут уж ясно, что времена идут тяжкие. К своему стыду, студень я готовить не умела (вот уж где мягкотелость дворцовая), но лапы подобрала. Собаке той было – сколько я здесь жила, так-то считай моя здешняя ровесница. Закопала я их за домом, у выхода на задний двор, и помолилась, чтобы плоть её без мучений послужила своим хозяевам, как она служила, а дух без плотской тяжести легко найдёт дорогу к берегам своих пёсских богов.

Открыв глаза от молитвы, я увидела, что у нас на заборе чужая гостья сидит – пёстрая кошка, я такой у нас раньше не примечала, видимо, на запах крови пришла.

В последнее время в кварталах много кошек расплодилось, и кто говорит – к зажитью, кто говорит – к беде. Только какое уж зажитье, когда мясник свою собаку режет.

– Уж прости, – сказала я ей. – Ни угостить не могу, ни к себе взять. Лапы были, и те закопала.

Кошка мяукнула, глядя на меня, будто обещая, что ещё зайдёт, и убежала с забора.

Не заметила я, что вышел мой старик-хозяин, а тот и треснул меня по голове.

– Верно говорят, у чего нет своего места, тем чёрт завладевает. Да кто в своём уме собачьи лапы хоронит, да с кошками разговаривает?! А ну, за работу, пока беду не накликala.

И снова треснул меня по голове своей дощечкой так, что у меня слёзы на глазах выступили, так и пришлось бежать в мастерскую и в полуслепую буквы на дощечках выкладывать, да тушью мазать, следя, чтобы не дай бог слезинка не упала и всё не расплылось. А остановить их не получалось, очень шишка на голове болела. И даже времени примочку сделать-приложить не было, мне бы полегче стало.

Не знала я, что в тот же день так же легко, как мясник собаке, отрубили голову нашему императору. И точно так же, как к моим ногам, брызнула кровь к ногам его матушки.

На север от государства нашего императорского, всегда жили демоны синекожие. Когти у них были, как вторые пальцы, ими людям брюшья вспарывали. С подбородков у них волосы длинные свисали, в косы заплетённые, косы эти в змей ядовитых превращались. А головы брили, что мужчины, что женщины, да имена свои писали, чтобы их бог всех сверху видел, да друг от друга различал.

Вплоть до деда императорского воевали демоны с нами, а мы с ними. Они из кишок наших лекарства плодovitости и долгожительства делали, а мы из их бород и кож затылков – обереги и проклятья.

А при императорском отце они сами вдруг миловаться к нам пришли, вражду прекратить, богов наших познакомить. Матушка-императрица тогда и придумала в знак того, что их бога принимает, дочку, наречённую, себе взять – у нас кем урожден, там вовек и останешься,

иначе никак нельзя, а у них себе в дети кого угодно можно взять, любого происхождения – вот и вздумала матушка так повеселиться. Велела слуге своему к босоногим спуститься, любого младенца купить, да во дворец привести. Мне рассказывали, в то время так бедно да дико жили, что бедняки лишних детей каннибалам с гор продавали на съедение. Вот и меня отдали за гроши. Так стала я наречённой императорской дочерью, на всеобщую потеху и чтобы гостей спровадить. Ни одного обещания синекожим император тогда не сдержал. Я одна на нашей земле под чужим богом осталась.

Императорской матушке я стала не нужна, и долго меня передавали по служанкам, которые даже к дворцу допущены не были. Ходила среди детей их – и те не принимали. Точно так же, себе на потеху, в пять лет мне они голову обрили, чтобы имя написать, сказали, инобожья, а то вдруг тебя потеряет. Несколько дней редела я тогда, от унижения и горя, и с тех пор никому своих волос трогать не позволяла, даже когда муж мой бывший их вырвать пытался.

Чтобы была при ком-то, глаза не мозолила и нервы не трепала, замуж меня выдали очень рано, да муж возненавидел крепко. Уж сколько побоев и увечий от него испытала, не перечесть, что и говорить – первенец у меня родился мёртвым. Муж не сомневался, что в том была лишь моя вина – безродная и чужебогая, ничего живого мне породить не выйдет, и ему досталась в императорское проклятье и наказание. После мёртвого младенца на руках, душа и воля моя не выдержали и, впервые в жизни, побежала я в ноги кланяться наречённой матушке. Не в силах совладать собой, редела до беспамятства, умоляла отлучить от мужа, да жизнь дружную дать, где голову держать бы сумела, а я в долгу не останусь, ведь верно терпела и служила любой их воле до сих пор.

Но мать наречённая сильно взбесилась от моих просьб и самого появления. Назвала неблагодарной за то, что вырастили живой да здоровой до сих пор, да мужа дали, чего бы я сама, уродина, никогда бы не добилась. Велела прогнать с глаз долой, да так чтобы дороги обратно найти не сумела. Побили меня, выгоняя, но ладно глаз и ног не лишили, пожалели, с другими поступали и так. Так и оказалась я, брошенной, ни к одному роду непричастная, ни в каком месте нежеланная. Уже однажды чужая мать приняла, да теперь и она, и муж отреклись, кто такую к себе возьмёт, хоть слугой, хоть собакой?

Пойти бы мне в цветочный квартал хоть кем наняться, да побоялась, что мужем испорченную и искалеченную, с людьми ладить не умеющую и оттуда с позором прогонят, даже фонари носить не позволят.

Пришлось мне обувь снять, да за еду её продать и в нижние кварталы спуститься. И даже там меня все сторонились, сколько бы я ни кланялась и лбом пороги не била, умоляла, хоть кем работать буду – отвечали все: без мужа, без семьи, без отца, нет тебе доверия, ты считай никто и скотины хуже, да и бог за тобой ходит чужой – пусть он тебе и поможет. Да ведь затылок спрятала волосами, вот он и не видит тебя.

«Ну и пусть не видит. Людям я не нужна, а ему зачем?» – думала я тогда.

Пустил меня к себе только старый наборщик за грамотность. Всю семью и сына родного он давно похоронил, а с возрастом и слепеть начал, боялся последний кусок хлеба потерять, хуже меня стать, всеми забытым, вот и пришлось ему меня взять, поскольку зрячей и грамотной была. Держал в дальней комнате, боялся, кто узнает кого он взял. Да в босоногом квартале все всё друг о друге знают, ничего не скроешь. Так и проработала у него восемь лет за кусок хлеба, с утра до ночи буквы на доску набирая, да за стариком ухаживая, света почти не видя и на улицу не выходя.

За те восемь лет сын моей названной матушки стал новым императором и снова пошёл войной на синекожих демонов.

Только изменились синекожие сильно с моего рождения, и войска вернулись изменившиеся.

Пришёл главный генерал к императору и сказал: всю жизнь нам твердили, что на север от нас демоны живут, пришли мы туда, а там только люди одни, с кровью такой же красной, как у нас, так правда ли это?

Вместе с главным генералом пришёл человек из синекожих без бороды и без змей, и говорил: нет ни демонов, ни бога, ни высших, ни низших, есть лишь люди, и все они равны между собой.

Главный генерал спрашивал у императора: так правда ли это? И убил главный генерал императора и жену его, и даже младенца-сына не пожалел.

Полилась сыновья кровь к ногам матушки-императрицы – и немедленно бежала она из дворца. Прихватив свою верную служанку, прибежала она к племяннику по мужу своему, что служил военным капитаном, но при бумажной стороне, и умолила его взять её и бежать со своей семьёй тоже, женой, дочкой трёхлетней и служанкой-подростком. Нашли того слугу, что меня тогда во дворец принёс, и вывел он их тайком с дворцового двора.

И вот решила матушка-императрица бежать ко мне, её шуткой к богу синекожих представленной, и ею же прочь из жизни выгнанной. Пришла ко мне на следующий день, из-за забора, с которого мне кошка мяукала, да в дом вошла со всем семейством кланяться. Хозяин мой перед ними по полу распластался, и меня на колени поставил. У меня душу воротит, я и вида императорской матери перенести не могу, а она начинает языком лебезить. Говорит, обратиться ей больше не к кому, одна я ей родная осталась, дочь же наречённая, не должна дать матери пропасть. Не зря я и бога синекожих знаю, и босоногой родилась, в босоногие вернулась, должна быть наученной – да выход найти.

«В таком случае, вам стоило меня сразу в цветочный квартал определить, – отвечаю я, невольно и бесцветно, – там говорить, да ладить с людьми учат, не мучились бы с замужеством».

Мать сразу забилась в сухие слёзы, что горе ей горе, брошена всеми и некому просить помощи, а я старые обиды припоминаю, да кольнуть старушку хочу, издеваюсь над немощной. Поднявшись, она убежала и скрылась в дальней комнате, что когда-то мне принадлежала, её служанка побежала за ней. Племянник по отцу императора смущённо поклонился мне, ранее со мной не видевшийся и незнакомый, с его статусом и чином, ему пришлось попать гордость, чтобы поклониться женщине, ещё и босоногой, но кротко он попросил меня о том же, что и мать – о возможности скрыться здесь и помочь бежать. Он может и был большого чина, да сбежав, пойдя на поводу у тётки, – и семьи, и себя лишил всего, а всё, что он хочет: чтобы его семья остались живы.

Я сказала, что остаться пусть просят у хозяина, а бежать помогу чем смогу или передам их тому, кто сможет. Попросив позволения уйти, я вышла на задний двор, скрывая, как я тряслась от встречи с матерью-императрицей. Прошлые восемь лет мне казались благоденствующим раем, а теперь мне самой хотелось бежать со всех ног. То, что хоть каким-то домом называла, домом быть перестало.

Я вспомнила о собачьих лапах. Взять бы твои лапы, невольная подружка, да убежать на них, вот только сколько ведьмой не кликали, ничего же не знаю об этом.

Вытерла лицо рукавом, невольно всплакнув, огляделась ночью впервые: пришли гости ко мне под покровом ночным, только стукнула полночь, а сейчас небо, как в зареве. Посмотрела за дом – ни в одном из домов дыма в трубах нет, а коптит как в печке и сажа летает: то дворец горел. Полыхал целиком аки солнце. И в каждом дворе люди вышли и смотрят. Видать, и правду императора больше нет и не будет, да что дальше ждать – никто не знает.

Вернулась я в дом, сказала гостям спать ложиться, да голоса не давать и себя не показывать, а утром ясно будет, что дальше делать. Жить им теперь придётся, как я до сих пор жила – ни с кем не говорить, на улицу носа не выказывать. Императрица-матушка со служанкой своей мою комнату заняли, а семье старик свою уступил. Нам же со стариком, да со старым

слугой, что из дворца вывел, делать нечего, пришлось лечь в коридоре, как есть. Старый слуга передо мной на колени встал, да поклонился, сказал: по моей вине вся судьба твоя приключилась, так считай я тебе отец наречённый, коли будет помощь нужна, я окажу. Удивилась я его словам, но знала, что слуга был из тех, кого как собаку при себе держат – таким и украсть, и убить прикажут. Поэтому искренне поблагодарила я нового благодетеля, такие про помощь зря не говорить не станут.

2. Обувь и накидка

Едва глаза за ночь сомкнула, гадая, что мне дальше делать, да как выкрутиться. А на утро ни свет ни заря пришлось подниматься. Сбежала на реку, кое-как лицо и руки от грязи и туши оттерла, сложнее всего ноги дались – почерневшие и огрубевшие за столько лет. За восемь годов впервые отмылась и из дома так далеко убежала – можно сказать, впервые свежего воздуха глотнула, да воздух весь гарью пропах, и пепел на дороги лёг ровной пылью. Три не три – всё равно чёрными станут.

На причале встретила сонного старика-паромщика и спросила – не было ли трупов в реке. Он ответил, что были. За одну ночь десять людей в богатой одежде выловили, у кого голова отрезана, у кого брюхо распорото, да все трупы уже раздели и растащили, если кто мне знакомый там был, я теперь не узнаю, разве что накидку увижу на продаже с заштопанной дырой, с тканью вокруг неё от крови очищенной. Про знакомых старик насмехался, откуда у меня в знати знакомые, но на меня с любопытством поглядывал, не просто так же интересуюсь. Я спросила, а стоят ли ещё корабли у причалов? Старик ответил: стоят, да скоро их там не будет, бояться сгореть, как дворец сгорел. Поблагодарила я старца и побежала к причалам кораблей.

Но стояли они все в тумане далеко от берега, ни один к причалу привязан не был. Покричала я им, но никто не отозвался. Пришлось мне возвращаться домой.

Как переступила порог, о стену у головы моей тарелка наша глиняная разбилась. Мать-императрица, на коленях стояла там же, где вчера, подушки наши подложив, на которых со стариком всегда спали, а других у нас не было. Высоким голосом мать поинтересовалась, как посмела я уйти куда-то, не дождавшись её пробуждения, и вынудив всю семью и без того в беде, так ещё голодом морить. Семья племянника и слуги сидели за её спиной, склонив головы и всякий пошевелиться боялся, лишь трёхлетняя девочка икала, пока мать ей утирала зарёванное лицо.

Я тихо извинилась, поклонившись матери, испугавшись всем телом немедленно, что она кинет что-то в меня или за волосы схватит. Но та лишь накричала на меня, что я дура нерасторопная, вместо дела время трачу на бессмысленные оправдания.

Низко кланяясь, я пробежала мимо неё, на кухню, и ни один слуга за мной не пошёл, так мне и пришлось одной готовить из сливы и риса – всего, что у нас было, на восемь человек, да себе отложила крошечную плошку. Старик мой всё это время сидел в углу кухни и смотрел перед собой бледными глазами, как неживой. Лишь одно он сказал мне, пока я бегала, расставляя перед слугами плошки – что я поранилась. Видимо, босой ногой я напоролась на осколок побитой матерью-императрицей посуды, оставляя теперь кровавые следы. Сама же бывшая императрица сморщила нос и, прикрыв рот рукавом, высказала остальным, что став босоногой я совсем наплевала держать ноги в чистоте. Даже при гостях не думаю меняться.

Раздав всем плошки, и старику, и слугам, с той скудной едой, что была у нас, сама я забилась в дальний угол, завернув свой паёк в свёрток и спрятав за пазухой, решив съесть его позже, как бы сейчас живот ни урчал.

Дождавшись, когда все дотрапезничают, я убрала посуду, и низко поклонившись матери, прижавшись лбом к доскам, попросила её дозволения взять одну из их дорогих одежд, а ещё взять с собой девочку-служанку, да носки и обувь служанки матери, чтобы мы смогли бежать в соседний квартал и достать подобающей гостям еды на несколько дней, в обмен на эту одежду. Бывшая императрица небрежно позволила. Я поклонилась отцу семейства за то, что позволяет взять девочку, и он со своего плеча, молча отдал мне плащ, сохранив лицо, а служанка матери отдавала мне обувь и носки дрожащими руками со слезами на глазах. Только я приняла их, она горько расплакалась, что никогда не желала себе такой судьбы, так низко опуститься, а теперь она, несмотря на дорогие одежды, такая же босоногая. Императрица отнес-

лась к её слезам с пренебрежением, увещевая, что в тяжёлые времена все мы должны чем-то жертвовать, и похвалила племянника за то, что повёл себя, как настоящий мужчина. Правда, даже похвала матери слышалась упрёком.

Я взяла девочку за руку и повела поскорей за собой. Неуверенно, та плелась за мной, запинаясь нога за ногу. Как же так, спрашивала она, мы можем ходить по улице без сопровождения мужчины – а если нас поймут? Ей всегда говорили, что если она нос покажет на улицу без сопровождения – её могут украсть. Могут, подтвердила я, поэтому не попадайся. И велела ей глубже закрыться накидкой, чтобы не было видно лица.

Мы шли по переулкам короткими перебежками. Впрочем, на улицах мало кто решался выходить, и все избегали встречаться друг с другом взглядом. Улица была полна копоти, вздымавшейся из-под ног, и маравшей полы одежды.

Немного нам куда пути было, где помощи просить. Меня, когда одна была, только в одном квартале не били, не угрожали, пусть я там и полшажка была и не собиралась оставаться.

Довела я девочку до моста в цветочный квартал и остановилась подле него, обернулась к девчонке. Дворцовая заметила, что на мосту стоят фонари цветами украшенные, и грохнулась на колени, схватившись за мои штаны, решив, что я её в проститутки продать хочу, и слёзно взмолившись, чтобы я не делала этого, она мне как угодно послужит, всё что скажу будет делать. Насилу я подняла её и слово взяла, что во всём слушаться меня будет. Взяла с земли сажу, измазала ей лицо и одежду, сказала, что сейчас она пойдёт одна в цветочный квартал и велела так поступать: ходить по задним дворам, с заднего хода в двери и окна стучаться, говорить, что погорелица осиротевшая, просить еды и воды. Чем угощать будут – брать, если будет возможность стащить, да за пазуху спрятать – прятать, да больше ушки на макушке держать и слушать: где сейчас солдаты и куда идут, только ли дворец сожгли, или дальше пошли. На глаза солдатам и мужчинам не попадаться, близко совсем не приближаться. Кто, мужчина или женщина, за руки или одежду хватать будет – вырываться и бежать. Будут предлагать остаться – отказывайся и дальше иди.

Девочка послушно кивала и трижды пообещала, что так поступать и будет. Сговорились встретиться с ней здесь же, как фонари зажигать начнут.

Сама я обулась в служанкины носки и сандали, набросила накидку, данную племянником матери-императрицы, взяла палку и прикинулась хромой старухой: шла по краю улицы медленно, да часто под окнами останавливалась, послушать о чём говорят. Обувь и носки нужны мне были, чтобы скрыть огрубевшие и почерневшие ноги – босоногую бы сразу с улиц прогнали в свой квартал, а при обуви и накидке может и твоя знакомая, может, мать знакомого.

Ни разу я до сих пор не была в цветочном квартале, знала о нём только то, что другие рассказывали. Как я и думала, солдаты после разбоя дворца понеслись в цветочный квартал, да не все пока ещё. Говорили, что генерал тот, императора убивший, ещё держит основное войско где-то и не хочет, чтобы разбежалось, да младшие чины удержаться не смогли. Пришли сюда вчера, набедокурили не хуже войны. Кто-то ещё бродил здесь бледный да похмельный, но большинство вернулось в войска. Бывшие постояльцы, осмелев утром, ругались на них во весь голос, храбрясь между собой. Но проститутки напуганы были, обсуждали: что ни день, то хуже будет, нужно прятаться или бежать, да если б было кому куда. Постояльцы их покинут скоро – крови же дворянской, или сбегут, или убиты будут. А сам генерал сюда придёт – что им тогда делать: вдруг войском всех поубивать велит?

Узнала я и полезное для себя: о Белой проститутке, дорогого сорта. Жила она отдельно ото всех и далеко не каждый к ней ход знал, да я через одну старуху за свой паёк и историю слёзную, назвав Белую проститутку проданной в детстве дочерью, выведала: о тропинке сквозь ивовую рощу. Там мосток будет – то полпути к ней. А дом её совсем не большой, за кустами жасмина. Поблагодарила я старуху, отбросила палку, да понеслась к Белой прости-

тутке за помощью. В обуви с непривычки спотыкаясь на том мосту, чуть себе ногу не подвернула.

Дом её был может и небольшой, да всё равно поболее, где мой старик жил. Постучала я учтиво, но никто мне не ответил, только дверь сама открытой оказалась. Я вошла тихонько, бормоча слова приветствия и боясь, что опоздала и дом уже пустой. Да может и не было её никогда.

Но в одной из спален я нашла её – девушку и вправду столь прекрасную, что сложно описать: руки нежные и белые, с ноготками как из жемчуга, волосы распущенные разливались по полу чёрной рекой, глаза, как два опала ясные, взирали на меня с потрясением. Даже зная, какое смятение вызвала у неё в душе посторонняя бродяжка, как я, всё равно язык отнимался, видя перед собой её красоту.

На её коленях лежал нож, а у колен стоял позолоченный высокий таз, по края наполненный водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.